

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель	Три богини судьбы
Звезда на одну роль	ДНК неземной любви
Венчание со страхом	Душа-потемки
Прощание с кошмаром	Тот, кто придет за тобой
Темный инстинкт	Демоны без ангелов
Все оттенки черного	Валькирия в черном
Зеркало для невидимки	Когда боги закрывают глаза
Врата ночи	Девять воплощений кошки
На randevу с тенью	Яд-шоколад
Улыбка химеры	Невеста вечности
Готическая коллекция	Колесница времени
Ключ от миража	Падший ангел за левым плечом
29 отравленных принцев	Призрак Безымянного переулка
Флердоранж – аромат траура	Пейзаж с чудовищем
Молчание сфинкса	Грехи и мифы Патриарших прудов
Родео для прекрасных дам	Созвездие Хаоса
Дамоклов меч над звездным тронem	Часы, идущие назад
Рейтинг темного божества	Светлый путь в никуда
Прощай, Византия!	Умру вместе с тобой
Сон над бездной	Циклоп и нимфа
Царство Флоры	Последняя истина, последняя страсть
Предсказание – End	Перекресток трех дорог
Драконы ночи	Имеющий уши, да услышит
Black & Red	Великая иллюзия
Пир на закате солнца	

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

ЦАРСТВО ФЛОРЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Оформление серии *С. Курбатова*

В коллаже на обложке использован фрагмент репродукции картины «Царство Флоры» Никола Пуссена и иллюстрация: © Tropicana Studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Царство Флоры / Татьяна Степанова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.
ISBN 978-5-04-168134-0

Чудесные цветы и необъяснимые убийства — что между ними общего?.. И все же общее есть: в смертельные раны своих жертв убийца вкладывает экзотические цветы. Это серийный маньяк — не сомневаются начальник «убойного» отдела Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская. И он явно хочет что-то сказать, совершая этот странный и страшный ритуал. Улики указывают на цветоческую фирму «Царство Флоры». Но здесь тишь и гладь — флористы мирно возятся со своим пестрым, ароматным товаром, составляют букеты, композиции, панно... И лишь гобелен на стене офиса вызывает смутную тревогу: на нем крокусы, смилаксы, анемоны, гиацинты... Те самые цветы, что находят на телах убитых. Раскрыть тайну гобелена — значит понять логику преступника. И Никита с Катей находят разгадку. Вот только не слишком ли поздно? Ведь и для Колосова уже выбраны и приготовлены прощальные цветы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022
ISBN 978-5-04-168134-0

ГЛАВА 1

«ЦАРСТВО ФЛОРЫ»

Если бы кто-то в это майское утро мог подняться на дельтаплане и взглянуть с высоты птичьего полета, то увидел бы все сразу — поля, делянки, покрытые хвойным ковром, пластиковые купола новеньких оранжерей, ряды саженцев, тянувшихся в струнку, как солдаты на параде, липовую аллею, ведущую к двухэтажному зданию, обшитому белым канадским сайдингом, кусты персидской сирени в пике цветения, в фиолетово-лиловом своем зените.

С высоты птичьего полета были бы видны и глухие заборы по периметру, и дальняя полоска леса, и высоковольтная линия параллельно шоссе, по которому с утра и до ночи, с ночи и до утра текут потоки машин. Город был рядом, за автотрассой, наступал, отвоевывая участки для новых жилых микрорайонов, магазинов, кафе, бензозаправок, моек, кинотеатров. За четырнадцатым микрорайоном уже возводили элитные пятнадцатый и семнадцатый, для шестнадцатого засыпали бывшее летное поле бывшего спортивного аэродрома. Для восемнадцатого микрорайона, который значился в генеральном плане строительства, здесь уже не хватало места.

А там, за шоссе, была совершенно иная страна — это сразу бросалось в глаза с высоты птичьего полета. Если только, конечно, бесстрашно взмыть на дельтаплане, надев искусственные крылья.

Стая крикливых галок... Кромка леса на горизонте. Растворенные настезь ворота, три грузовичка-«Газели» вырुливали из липовой аллеи к белому зданию, в котором никто уже не узнал бы прежнюю полуразвалившуюся совхозную контору.

Четвертый грузовичок стоял напротив входа. Трое рабочих в синих комбинезонах загружали в кузов большие картонные коробки. С крыльца за ними наблюдала молодая женщина — руки в бока, очки в модной оправе на кончике вздернутого носа (как только держались?), на загорелом скуластом лице выражение озабоченной решительности и редкого профессионального рвения.

— Марина Николаевна, полнехонько тут, финиш! — крикнул ей один из рабочих.

— Отъезжай! — Голосок у Марины Николаевны был звонкий, командирско-комариный. — Следующая давай!

На борту подрулившей «Газели» было нарисовано что-то яркое, приятное глазу пестротой, но абстрактно непонятное — пятна ли, цветы ли. Все объясняла надпись: «Компания «Царство Флоры» — благоустройство и озеленение участков, ландшафтное проектирование. Поставки цветов в любой регион России».

Рабочие поднялись на крыльцо, Марина Николаевна посторонилась. Она осталась снаружи, а рабочие начали забирать коробки. В помещении было прохладно, солнечные зайчики пятнали дощатый сосновый пол. Сосной внутри было отделано все — стены, потолок, окна. В открытую дверь просачивался легкий ветерок. Пахло струганым деревом и словно бы пролитыми духами. Запах шел из запакованных коробок — розовый, густой. Из соседнего помещения, несмотря на то что дверь туда была плотно закрыта, сквозь невидимые глазу щели тянуло другим ароматом — тонким, нежным, кружащим голову.

— Как они тут не задохнутся? — хмыкнул один из

рабочих. — Слышь, я вот на Восьмое марта Верке своей розы купил, а потом...

— Ты, Митрич? Розы? — перебил напарник.

— А че, не могу, што ль? Мы пятнадцать лет с ней женаты, канючила она все — ласки не вижу, внимания, хоть бы цветочек когда... Ну и преподнес ей. Так мы, веришь, потом всю ночь заснуть не могли. Поставила она розы-то в вазе сдуру на трюмо, так такое, скажу тебе, от них амбре. У меня голова наутро как с бодуна. Их там, в букете, пяток и было-то всего, а тут, мать честная, целые охапки. — Он осторожно колупнул крышку коробки, приподнял картонные створки.

В коробке, как и в десятках других, были свежие розы — в этой сплошь темно-красные, в других белые, пурпурные и желтые.

Когда погрузка закончилась, Марина Николаевна отметила наряд.

— Ехать как к заказчику, знаете? — деловито спросила она. — Это в самом центре — Палашевский переулок, здание банка «Прогресс и развитие».

Банк «Прогресс и развитие», имевший шикарный офис в Палашевском переулке, праздновал десятилетний юбилей со дня своего основания. К знаменательной дате он сделал «Царству Флоры» крупный заказ на поставку цветов для украшения президиума собрания акционеров и банкетного зала. Три «Газели» увезли коробки с розами, закупленными фирмой специально для этого случая в оранжереях под Иерусалимом. Закупку делала младший флорист Марина Николаевна Петровых. Три дня, как она вернулась из Иерусалима, средиземноморский загар еще не успел смыться, и она была этому безмерно рада.

Четвертый грузовичок должен был развозить другие заказы — миртовые деревца в горшках для кафе на Кузнецком, свадебные букеты и несколько флористических композиций в подарочном оформлении фирмы.

— Подождите меня на рецепции, — приказала Марина Николаевна молоденькому водителю, недавно принятому на работу. — Там внутри подождите и не трогайте ничего. Нет, мирт можете грузить, только очень осторожно, понятно?

За работой часто забываешь о себе. Но природа берет свое — Марина Николаевна ринулась в туалет. А новичок-водитель прошел через прохладное, освобожденное от коробок помещение, давя юрких солнечных зайчиков на дощатом полу, открыл ту, вторую дверь, как сезам.

Когда-то давно, когда в этом здании — еще таком неказистом, не ведавшем евроремонта — ютилась совхозная контора, здесь нельзя было повернуться от столов и шкафов, за которыми день-деньской заседали и курили, кричали друг на друга и по плохонькому телефону, требуя корма и запчасти для тракторов, скрипели перьями, печатали на раздолбанных машинках, шелкали на счетах. Сорок лет назад, тридцать лет назад, двадцать лет.

А потом контора сгинула в небытие. В старом здании начался большой ремонт, уничтоживший перегородки, столы и шкафы, источенные жучком. И оказалось, что места даже слишком много. А свет чисто вымытых окон не только достаточен для нашего сумрачного северного климата, но даже избыточно ярок, лучезарен.

Новичок переступил порог и замер в восхищении, как и многие до него. Здесь было очень много цветов. Была и мебель — удобная офисная, но она как-то терялась в разноцветном душистом море «образцов продукции». На специальных подставках в керамических вазах, в глиняных горшках, в стеклянных сосудах вдоль стен, в углах и в центре стояли цветы, цветы, цветы.

Но что-то было здесь не так. Что-то было еще — кроме. Кроме сладкого волшебного аромата. Кроме

этой красоты и хрупкости. Помимо разноцветного буйства лепестков, бутонов, листьев, стеблей. Кроме лилий и роз, тюльпанов, нарциссов, крокусов и гиацинтов, кроме...

Что там за алые брызги? Вон там? Так странно похожие на бутафорскую театральную краску? Это кровь?!

Водитель невольно попятился. Потом мотнул головой, как упрямый бычок. Вдохнул полной грудью. Как тут душно от этого запаха. Голова закружилась, неудивительно. А это же... это же просто картина на стене. Большая картина. А он-то, чувак, деревня...

Он направился к противоположной стене, осторожно лавируя между подставками, вазами, ящиками. У него было ощущение, будто он плыл на лодке по озеру, только вот вместо кувшинок на него снизу глядели желтые подсолнухи. Это в мае-то подсолнухи? Откуда? Какими судьбами? Странное чувство не отпускало, голова кружилась все сильнее.

Он приблизился к стене, буквально уткнулся в нее — нет, это не картина, это какая-то ткань, навроде гобелена. Коснулся ее — новая, плотная, а по ней выткан рисунок. Что-то вроде здорового ковра, явно заграничного.

Отступил слегка: вау, сиськи женские! Этакая белая нежная голизна, перламутровая нагота бедер, обнаженной груди. Отступил еще. Вот так-то лучше, отчетливее. Сюжетцы такие только в музее и видел, когда еще в школе ездили в Питер на экскурсию во дворцы, — голые боги и богини, амуры и психеи.

Но тут что-то другое, необычное — дождь из лепестков над цветочной поляной, взвихренные в танце одежды, люди, земля, трава, четверка лошадей в солнечном диске — там, наверху, в вытканых шелком небесах.

И — разящее лезвие, направленное прямо в чью-то голую грудь. Разинутый в яростном крике рот — мука

боли. Кровавая рана — и чей-то взгляд, устремленный на нее искоса, с хищным любопытством.

Водитель вздрогнул, быстро обернулся. На пороге за его спиной стояла Марина Николаевна. Вытирала мокрые руки махровым полотенцем.

— В ступор впали, молодой человек? — осведомилась она насмешливо. По возрасту, правда, она была старше «молодого человека» всего лет на пять, не больше.

— Штука какая у вас крутая на стене висит. Вроде картина, а вроде ковер. — Парень сглотнул, ему хотелось курить.

— Это Андрей Владимирович привез из Франции. Нравится? Это гобелен по картине, на фабрике под Версалем такие ткут, потом туристам продают. Так, ладно, пора за дело. Забираете это и это, осторожно. — Марина Николаевна указала на пышные огромные букеты, состоящие опять-таки из сплошных роз.

— А чего это мужик там такой чудной? — спросил водитель, тыча в гобелен. — Вон тот, голый, в шлеме с перьями. Меч рукояткой в землю воткнул. Зарезаться, что ли, хочет?

Марина Николаевна глянула на гобелен. Он был ей так хорошо знаком, что уже успел надоест. Успело надоест и то, что почти все, кто попадал сюда, в это помещение, впервые, задавали ей одни и те же вопросы ПРО ЭТО.

— Это гобелен по картине французского художника, называется «Царство Флоры», — сухо ответила она. — С Интернетом дружите? Ну, так почитайте, и все узнаете, раз так моментально запали. И давайте быстрее поворачивайтесь, любезный, вам заказы до двух надо развезти, а сейчас без малого одиннадцать.

Водитель забрал букеты. Он хотел было спросить еще: «А чегой-то там кровью на цветах набрызгано на этом вашем гобелене?», но не стал. Марина Николаевна ему не слишком-то понравилась — и эти ее мод-

ные очки-гладелки, и тусклые волосы, собранные сзади, и то, что она только что из туалета — вон руки еще влажные.

Потом он вернулся за последним заказом. Рассматривал гобелен, пока Марина Николаевна возилась возле букета — нет, точнее, цветочной композиции в корзине из соломки. Композиция была выполнена в бело-розово-зеленых тонах. Розы здесь уже не использовались, только нарциссы и гиацинты на фоне темно-зеленых листьев, увитых лианой. Прежде чем упаковать корзину в шуршащий пакет, она воровато сунула руку в цветы и достала оттуда открытку. Впилась в текст — ее интересовала подпись. Она должна была знать имя того, кто посылал эти цветы по этому вот адресу: Долгоруковская улица, 28/2, квартира 195. Имя было другое, совсем не то, что она ожидала. Надо же... а она-то психовала... А это вовсе не он шлет ей цветы...

— Вот тут адрес, передадите Пеговой Ф.И., от кого, там все написано. — Марина Николаевна вручила корзину водителю. — Ну? Что-то еще?

Водитель принял груз в охапку. На пороге не удержался, обернулся — в воздухе кружились солнечные пылинки. Пропать цветов. Гибель цветов. И — гобелен на дальней стене: раскинувшиеся в ленивых позах среди травы и цветов тела. Кудрявый пацан, любующийся своим отражением в сосуде с водой, кони в облаках и их неистовый возникший, наклон, поворот, изгиб, пластика, как в балете, взгляд в упор — из-под длинных ресниц. Лезвие меча, всаженное рукоятью во влажную землю, прорастающую семенами. Тот, кто воткнул этот меч, через мгновение бросится на него. Напорется грудью. А у того, другого, который с копьем, все бедро располосовано, в крови. Он еще на ногах, опирается на древко, но вот-вот рухнет, уткнувшись лицом в эти цветы, в эти чертовы душные бутоны, в эту жирную, ненасытную землю.

— Дорогая штука, наверное? — хрипло спросил водитель. — Раз из Франции-то?

— Я же вам сказала, это современное, для туристов, — Марина Николаевна махнула рукой. — Для декора стен предназначено, не особо модно, но Андрею Владимировичу нравится.

Водитель уже слышал это имя, когда оформлялся на работу в «Царство Флоры». Так звали одного из совладельцев фирмы.

Дорога все устаканила, только где-то в самой глубинке, на донышке остался дискомфорт, смутное беспокойство — вроде бы совершенно беспричинное.

Нужный дом на Долгоруковской улице водитель, хоть и был новичком, отыскал быстро. Сталинский, восьмизэтажный, рядышком с киностудией «Союзмультфильм». Дверь подъезда открыла консьержка. Пока водитель с корзиной цветов поднимался на скрипучем лифте, в квартире под номером 195 (часы как раз показывали два часа дня) начиналось обычное для ее обитателей утро.

В квартире имелись две большие светлые комнаты — спальня и гостиная. В кухне гудел чудо-комбайн, шинкующий овощи на салат, пахло кофе, пытела соковыжималка, сражаясь с неподатливыми гранатами. В спальне, несмотря на то что в квартире обитали двое, была только одна кровать — широкая, затянутая шелковым бельем в леопардовых принтах. Хозяйку квартиры — ту самую клиентку, которой и предназначалась цветочная корзина, — звали Фаиной Пеговой. И вот уже полтора года она делила свой кров с подругой по имени Аля.

А еще в этой уютной, стильно отремонтированной и модно оборудованной квартире было очень много зеркал — в спальне они составляли стенное панно, маскируя двери шкафа, в ванной имелись не только на стенах, но и на потолке, в прихожей два винтаж-

ных зеркала были сооружены одно напротив другого, раздвигая сумрачное пространство.

Аля — высокая, угловатая, мускулистая, очень спортивная — деятельно готовила завтрак. Выключила комбайн, вытряхнула из контейнера в салатницу нашинкованную капусту, зачерпнула из открытой банки консервированные ананасы, полила соком, перемешала деревянной лопаточкой.

— Мидии класть?

Через два дня ей должно было исполниться двадцать семь. Когда-то звонкий голос ее осип от бесчисленного количества выкуренных сигарет — три пачки с ментолом и без была ее привычная норма.

— Валить мидии? — повторила она громче. — Радость моя, ты там опять уснула, что ли?

Они встали без четверти два. А легли... Не так уж и поздно, где-то в час, после того как Фаина вернулась домой, но уснули, естественно, не сразу. Им никогда не удавалось сразу уснуть.

— Кофе готов?

Сражаясь с плоской баночкой консервированных мидий, Аля подняла голову — Фаина стояла в дверях, кутаясь в белоснежный махровый халат. Правой рукой потирала висок, левой сжимала белую атласную тапку, расшитую жемчужным бисером. Белая в белом Белоснежка — белокожая шатенка с капризным чувственным ртом, с глазами цвета фиалок. Аля сжала губы — врешь, меня этой твоей ересью подзаборной, метафорами этими стремными не возьмешь. Кожа твоя и правда белая от природы, очень здоровая на вид, гладкая на ощупь, но сколько ты в себя разной косметической дряни для этого втираешь, сутками в SPA торчишь — мне ли не знать. Глаза — верно, очень красивые, синие, фиолетовые, а иногда, ночью, при свете лампы, даже черные, пока в них мутной струей не прыснет страсть.

— Кофе дай, радость моя. — Голос у Фаины был

мягкий. Вот этой-то вкрадчивой кошачьей мягкости Аля и не могла никогда противостоять.

Она бросила деревянную мешалку, налила из кофеварки в кружку густой крепкий кофе, подала Фаине.

— Аспирин в ванной в шкафчике? Я забыла. — Фаина отхлебнула кофе.

Вчера, как обычно, по новоиспеченной моде ездила она в Дом музыки на концерт. «Музыкальная эпопея», как и все прочие эпопеи — театральная, тусовочная, клубная, — продолжалась вот уже несколько недель. Фаина откуда-то узнала, что в этом сезоне сюда на симфонические концерты, особенно на модных европейских гастролеров, съезжается Большая Тусовка — реальная большая тусовка, в том числе люди из правительства, из администрации, из мэрии. Вчера давал сольный концерт скрипач из Вены. Брамс, Брамс, сплошной Брамс и немного Дворжака. Фаина — в новом платье от Ланвин — сидела в пятом ряду, пристально изучая переполненный зал. У нее было отличное зрение. А вот слух — музыкальный — отсутствовал напрочь. Если бы он был, ее бы когда-то тогда, давно, не отчислили с третьего курса школы-студии МХАТ, и она бы непременно стала актрисой. По крайней мере, она твердо верила в то, что отчислили ее именно за этот вот пустяк разные там интриганы-преподаватели, а вовсе не за вопиющую профнепригодность к сценическому ремеслу. От Брамса у нее дико разболелась голова. Разболелась так, что захотелось встать посреди второго отделения концерта, подойти к надутому типу в костюме от Армани, что пялился на нее сквозь круглые очки, и на его вопрос: «Любите ли вы, Брамса, Фанни?» — впиться ему зубами в пухлое плечо, прокусив, к чертовой матери, и траурную ткань, и потную липкую кожу.

На горе Брокен говорят: кровь — кровянка — лучшее лекарство от мигрени. Лучше даже, чем гильотина. А разве этот очкарик из Министерства топлива и энергетики за глаза не называл ее ведьмой и стервой?

А вон тот, который из «Железных дорог», разве он не предлагал ей совместный отдых на Ямайке без каких-либо дальнейших обязательств и претензий? А у самого ведь жена-ровесница, прокисшая от диабета, и взрослые дети — дочь забеременела, сын развелся вторично.

— Кто-то в дверь звонит, радость моя.

— Я открою, радость моя. — Аля метнулась в прихожую, где итальянский чудо-звонок заливался тактами Нино Рота.

Плоская баночка мидий осталась на столе. Фаина подцепила одну мидию ногтем. Моллюски... Впрочем, есть эту морскую дрянь полезно. Для кожи, для волос. Какой-то там редкий витамин содержится, от него волосы гуще растут. Она направилась в спальню к зеркальной стене, в которую били прямые солнечные лучи. На горе Брокен говорят: глянешь на себя с утра, к обеду повесишься. А вот она себе не представляет жизни без зеркала. Да и на кого еще порадуешься, как не на себя? Разве плоха для тридцати трех лет? Плоха, скажете? Хороша, и даже очень. Алька, радость моя, насколько вон моложе и спортом каким занималась лошадиным, а живот у нее дряблый. И как это только возможно — ноги железные, ногами она своими черт-те что выделяет, а живот дряблый?

В зеркале отражалась смятая постель. Пестрое леопардовое логово. Фаина, контролируя в зеркале каждое свое движение, каждый поворот, грациозно потянулась. Алька, радость моя, уберет — и за мной, и за собой. В конце концов, когда они сходились и решали жить вместе, именно она взяла на себя бремя домашних забот. А общая спальня — это не бремя, это награда, подарок.

— Тебе тут подарок, радость моя. — Аля возникла в дверях с большой корзиной, полной цветов. — С доставкой на дом.

— От кого?

В прихожей, мгновение назад, Аля, торопливо дав